

© 2003 г. Б. Б. ХОДОРКОВСКАЯ

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПЕРФЕКТА В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЭЛЕМЕНТА *-IS-/-ER-*

Вопрос о происхождении элемента *-is-/-er-* в составе форм системы перфекта в латинском языке теснейшим образом связан с общим вопросом о формировании всей системы перфекта в латыни. Согласно традиционному описанию латинского глагола, элемент *-is-/-er-* является составной частью некоторых личных окончаний перфекта *-istī*, *-istis* и предположительно, 3 л. мн. ч. *-erunt* (**-is-ont*) и форм всей группы времен и наклонений, относящихся к системе перфекта. На основании дистрибуции *-is-* перед согласным, *-er-* перед гласным – элемент *-is-* считается первичным, а *-er-* его позиционным вариантом. Принято считать, что формирование системы перфекта проходило на том этапе дописменной истории латинского языка, когда уже полностью сложилась система инфекта (= система презенса), и по аналогии шло образование времен системы перфекта посредством присоединения к основе перфекта элемента *-is-* и формантов, имевших место в системе инфекта: будущее II **-is-e/o-*, ср. будущее I *erō*, *eris* (**es-e/o-*), плюсквамперфект индикатива **-is-ā-*, ср. имперфект *eram*, *erās* (**es-ā-*), перфект конъюнктива **-is-ī-*, ср. презенс конъюнктива *sim*, *sīs* (**s-i-*), плюсквамперфект конъюнктива **-is-sē-*, ср. имперфект конъюнктива *essem*, *esses* (**es-sē-*). Наиболее ясно изложена эта гипотеза М. Лойманом [Leumann 1977: 510]. Происхождение элемента *-is-* традиционно связывали с и-е сигматическим аористом, но точных соответствий в других и-е языках нет [Leumann 1977: 609, Sihler 1995: 590].

Д. Адамс [Adams 1994] считает возможным реконструкцию протоиндоевропейского претерита с суффиксом **-is-* на основе данных латинского, хеттского и тохарского языков. Наиболее надежным он считает материал латинского языка, в котором форматив **-is-* налицо во многих формах системы перфекта, как *vidisti*, *viderō* (**vid-is-ō*) и т.д. Сопоставляя формы 2 и 3 л. ед. ч. и 2 л. мн. ч. латинского перфекта с формами 2 и 3 л. ед. ч. и 2 л. мн. ч. претерита некоторых хеттских глаголов спряжения на *-hi*, он выделяет окончания в хеттском языке 2 л. ед. ч. *-išta*, 3 л. ед. ч. *-iṣ* (например, *daliṣ* глагола *dala-* 'оставлять'), 2 л. мн. ч. *-išten*, и в латинском языке 2 л. ед. ч. *-isti*, 2 л. мн. ч. *-istis* и предполагает в доистории латинского языка форму 3 л. ед. ч. перфекта на **-is* аналогичную хеттской, например, **fuis* (**bhuiṣ*). На основе такой интерпретации хеттского претерита и латинского перфекта Адамс предлагает новый анализ тохарского претерита III класса. Это дает ему возможность предполагать в протоиндоевропейском языке суффикс претерита **-is-* в 2–3 л. ед. ч. и в 2 л. мн. ч. По мнению Адамса, в и-е окончаниях 2 л. ед. ч. **-is-tha* произошло смещение морфемной границы в тохарском и латинском языках на **-i-stha*. Есть ли основания для такой интерпретации латинского материала, какую предлагает Адамс?

Другое решение дает Г. Шмидт [Schmidt 1985: 86]. Он ищет объяснения элемента **-is-*, разделяя его на **-i-* и **-s-*. В окончании 2 л. ед. ч. *-isti* латинского перфекта, например, в форме *fuisti* (**bhwh-i-s-iH₂a*) он выделяет окончание и-е перфекта **-iH₂a*, суффикс аориста **-s-* и гласный **-i-*, в котором он видит древний показатель имперфекта, сохранившийся в тохарском, (например, 3 л. ед. ч. тох. *B sa* = тох. *A se s* от

и.-е. корня **es*- "быть"), в западногерманском *bist*, в литовском *bit(i)*. Однако, по мнению большинства лингвистов, в формах тохарского имперфекта *-i*- восходит к суффиксу и.-е. опатива [Adams 1994: 16; Krause, Thomas 1960: 217].

Совсем иначе подходит к проблеме Г. Рикс [Rix 1992]. По его мнению, элемент *-is*- не имеет соответствий в других и.-е. языках и не получил удовлетворительного объяснения. Сам он связывает его происхождение с формированием в латинском языке перфекта на *-vī* слабых глаголов – деноминативов и девербативов. По его убеждению, формы перфекта этих глаголов первоначально представляли собой перифрастические структуры, состоящие из причастия перфекта активного залога и форм глагола *esse* "быть". Анализу *es*- глагола *esse*, который был в энклизе, изменился в *is*- и в процессе стяжения компонентов аналитической формы стал рассматриваться как часть флексии, т.е. как элемент *-is*-. Многие принятые *ad hoc* дополнительные предположения, необходимые для обоснования основной гипотезы автора, делают работу Рикса не убедительной. Вряд ли также можно согласиться с гипотезой Рикса, что перфект на *-vī* корневых глаголов, например *pōvī*, возник по типу перфекта слабых глаголов.

В настоящей работе делается попытка заново рассмотреть вопрос о формировании системы перфекта в латинском языке и о происхождении элемента *-is/-er-*, связав его с проблемой кратких форм глагола. Принятое в течение ряда лет фонетическое объяснение кратких форм из более длинных в последние годы подвергается сомнению [Rix 1992: 207; Safarewicz 1969: 240]. Оба вопроса связаны между собой уже тем, что все эти формы относятся к системе перфекта, в сущности, это один вопрос о формировании системы перфекта в латинском языке. В работе анализируется материал ранней латыни, в которой внутриязыковые отношения были в какой-то степени еще иными, чем в классической латыни, что дает возможность реконструировать начальные этапы формирования системы перфекта. В работе рассматриваются раздельно образования, содержащие элемент *-is*-, и те, которые включают *-er*-. Необходимость раздельного рассмотрения их подтверждается фактическим материалом: элемент *-er*- входит в состав суффиксов группы времен системы перфекта, элемент же *-is*- является составной частью окончаний самого перфекта и частью суффикса одной поздней грамматической категории плюсквамперфекта конъюнктива.

1. ЭЛЕМЕНТ *-is*- В ЛИЧНЫХ ОКОНЧАНИЯХ ЛАТИНСКОГО ПЕРФЕКТА

В системе форм перфекта на *-vī* и перфекта на *-sī* есть дублетные формы – более длинные и более короткие – например, в перфекте на *-vī*: *amāvistī*: *amāstī*, *amāverō*: *amārō*, в перфекте на *-sī*: *dixistī*: *dixī*.

В системе перфекта на *-sī* соотношение дублетных форм на фонематическом уровне состоит в том, что в более длинных формах имеется цепочка фонем *-sis-*, а в кратких формах слог *-si-* синкопирован. Такая синкопа возможна при условии безударного гласного в слове *-si-*, т.е. предполагается ударение на начальном слове *dīc-si-sī*. Дополнительное условие кратких форм состоит в том, чтобы цепочке фонем *-sis-* предшествовал простой смычный согласный. Результатом синкопы слога *-si-* в последовательности фонем *-C-si-sī-* (*C* – простой смычный) можно считать появление группы согласных в середине словоформы, не превышающей трех легко комбинирующихся согласных. Таковы краткие формы: *promistī* глагола *promittō*, *exclustī* глагола *excludō*, *scripstī* глагола *scribō*, *iustī* глагола *iubeō* и т.д. Выпадение слога *-si-* в последовательности слогов *-C-si-sī*, т.е. перед слогом, который начинается с того же согласного, представляет собой чисто фонетическое явление гаплоггии на морфемном шве.

В системе форм перфекта на *-vī* соотношение более длинных и более коротких форм на фонематическом уровне состоит в том, что в длинных формах имеется цепочка фонем *-vis-* или *-ver-*, отсутствующая в кратких формах, например, *amāvistī*: *amāstī*, *amāveram*: *amāram*. Дополнительное условие кратких форм в системе перфекта на *-vī* состоит в том, что согласный *-v-* в указанной цепочке фонем представляет собой суффикс основы перфекта, а не конечный согласный корневой морфе-

мы. На это ограничение в образовании кратких форм обращали внимание античные грамматисты. Присциан (GL II 508, 6) пишет: "omnia (verba), quae praeteritum perfectum in -vi terminant adiectam, frequenter invenimus per secundas et tertias personas syncopam paenultimae pati syllabae, cum ab u loco consonantis incipit, ut *amavi, amavisti vel amasti, amavit, amavimus, amavistis vel amastis, amaverunt vel amarunt...* ideo autem addidimus *adiectam*, quoniam, si in positione sit u consonans, syncopam pati non potest, ut *lavo, lavi, lavisti*, non possumus dicere *lasti* nec pro *lavistis lastis*, nec pro *laverunt larunt*. Similiter *faveo, favi, favisti*, nemo dicit *fasti*". «У всех (глаголов), которые оканчиваются в претерите перфекте на -vi присоединенное (суффиксальное. – Б.Х.), мы часто видим во 2 и 3 лицах синкопу предпоследнего слога, который начинается с согласного v, например, *amavi, amavisti* или *amasti, amavit, amavimus, amavistis* или *amastis, amaverunt* или *amarunt*. Мы добавили "присоединенное", так как, если согласный v стоит в исходной форме, то синкопы не может быть, например, *lavo, lavi, lavisti*. мы не можем сказать *lasti* ни вместо *lavistis lastis*, ни вместо *laverunt larunt*. Подобным образом *faveo, favi, favisti*, никто не говорит *fasti*».

Очевидно, что ограничение, касающееся кратких форм в перфекте на -vi, относится не к фонематическому уровню, как в перфекте на -si, но к уровню морфологии: только в парадигме перфекта на -vi, в которой -v- является отдельной морфемой – суффиксом основы перфекта, имеются дублетные формы во 2 л.ед. и мн.ч. и в 3 л.мн.ч. Следует отметить, что статус -v- в формах латинского перфекта на -vi как отдельной морфемы имеет параллель в ведийском языке, в котором формы перфекта глаголов с корнем на долгое -ā- имеют в 1 (и в 3) л.ед.ч. окончание -ai, например, *dadau* (корень *dā* "давать"), *jajñau* (корень *jñā* "знать"), соответствующее латинскому (g)nōvi [Барроу 1976... 320]. Ударение -ai указывает на произношение в два слога, между тем как обычно в дифтонге *ai* второй элемент неслогообразующий [Елизаренкова 1982: 67]. Такая выделенность посредством ударения конечного -i показывает, что именно -i было окончанием формы 1 л.ед.ч. в парадигме перфекта. Латинская форма 1 л.ед.ч. (g)nōvi на основании сравнения с вед. *ja-jñau* может быть понята как корневое образование с двумя окончаниями 1 лица: *-w и присоединенным позже окончанием *-a + актуализирующее *-i: *gnō-w-a-i (ср. фалисскую форму 1 л.ед.ч. перфекта *peparai*). Парадигматически форма 1 лица *nōvi* (*gnō-w-ai) противопоставлена форме 2 лица *nōsti* (*gnō-sī), которая не содержит форманта *-w- – показателя 1 лица.

Формы 1 л.ед.ч. перфекта *nōvi* "я знаю" (например, Plt.Au. 434: *scio, ne doce, novi* "знаю, не учи, я знаю") и *cōnsuevi* "я имею привычку" (например, Plt. Per. 170: *non consuevi simul bibere* "я не имею привычки сразу пить") сохранили древнейшее значение и.-е. перфекта – значение состояния субъекта в настоящем времени. В ведийском языке форма 1 л.ед.ч. перфекта на -ai не встречается в мантрах [Елизаренкова 1982: 342]. Напротив, в латинских ранних текстах среди форм перфекта на -vi первичных глаголов наиболее частотна форма 1 л.ед.ч. В текстах Плавта форма *nōvi* встречается 80 раз, почти в два раза чаще, чем все остальные формы перфекта этого глагола взятые вместе. Такая высокая частотность формы 1 л.ед.ч. *nōvi* свойственна и другим формам 1 л.ед.ч. перфекта, обозначающим состояние субъекта в настоящем времени: *temini* "я помню" встречается в комедиях Плавта 34 раза, форма 2 л.ед.ч. – 16, 3 л.ед.ч. – 6 и 3 л.мн.ч. – 1; *odi* "я ненавижу" – 8 раз, форма 3 л.ед.ч. – 2 и 3 л.мн.ч. – 1. Для сравнения можно привести несколько цифр, характеризующих частотность форм перфекта глаголов действия в текстах Плавта. Глагол *facio* "делаю": форма 1 л.ед.ч. перфекта *feci* – 67 раз, 2 л.ед.ч. – 37, 3 л.ед.ч. – 92, глагол *venio* "прихожу": форма 1 л.ед.ч. перфекта *veni* – 15, 2 л.ед.ч. – 6, и 3 л.ед.ч. – 62, т.е. наиболее частотны формы 3 лица. (Все цифры взяты из "Лексикона" Лоджа [Lodge 1925].) Высокая частотность форм 1 л.ед.ч. перфекта, которые сохранили древнейшую семантику и.-е. перфекта: *nōvi* "я знаю", *cōnsuevi* "имею привычку", *temini* "помню", *odi* "ненавижу" – позволяет считать форму 1 л.ед.ч. доминантной в парадигме перфекта. На протяжении всей доклассической и классической латыни эти четыре формы перфекта сохраняли свое значение, образуя отдельную компакт-

ную группу. Это позволяет считать, что перфект на *-vī*, как и перфект с удвоением, изначально имел статус перфекта, а не аориста [Sihler 1995: 585]. Мысль о том, что перфект некоторых первичных глаголов был более древним, чем презенс, высказывалась учеными. А. Мейе и А. Эрну [Ernout, Meillet 1939: 678] считали, что, поскольку форма перфекта *nōvī* имеет значение настоящего времени "я знаю", то форма презенса *nōscō* более поздняя и первоначально имела инхоативное значение "начинаю понимать, узнаю" В. Шмальштиг [Шмальштиг 1988: 265], ссылаясь на мнение Кречмера, пишет, что перфекты корневых глаголов (др. инд. *dadaū*, лат. *nōvī*, *plēvī*) были древнейшими временными формами этих глаголов, более древними, чем соотносимые с ними презенсы.

В ранней латыни имеются краткие формы перфекта у следующих первичных глаголов: *nōscō*, *nōvī* (*nōvistī*: *nōstī*, *nōrunt*), *cōnsuēscō*, *cōnsuēvī* (*cōnsuēvērunt*: *cōnsuērunt*), *dēcernō*, *dēcrēvī* (*dēcrēvērunt*: *dēcrērunt*), *sciō*, *scīvī* (*scistī*), *audiō*, *audīvī* (*audistis*, *audisses*), *sinō*, *sivī* (*sistī*), *quaerō*, *quaesivī* (*quaesistī*). Эти глаголы относятся к одной семантической группе, обозначая то, что является неотъемлемой собственностью индивида – его интеллект и этика: "Я знаю, имею привычку, имею решение, слышу (воспринимаю), позволяю, ищу". Возможно, эта группа глаголов была ядром той лексики, которая послужила основанием при формировании перфекта на *-vī*. Краткие формы перфекта на *-vī* производных глаголов, отыменных и отглагольных, в ранней латыни единичны (*putastī* Plt. Ba121, *parastī* Ba727, *locassem* Most242), их число возрастает в классической латыни.

Дублетные формы в перфекте на *-vī* первичных глаголов дают возможность предполагать две его парадигмы на раннем этапе истории латинского языка:

неполная парадигма		полная парадигма	
ед. число	мн. число	ед. число	мн. число
1. <i>nōvī</i>		1. <i>nōvī</i>	1. <i>nōvimus</i>
2. <i>nōstī</i>		2. <i>nōvistī</i>	2. <i>nōvistis</i>
3. <i>nōvīt</i>	3. <i>nōrunt</i>	3. <i>nōvīt</i>	3. <i>nōvērunt</i> , <i>nōvēre</i>

Полная парадигма перфекта, в которой основообразующий суффикс *-v-* проходит по всем формам и является приметой всей парадигмы, не имеет соответствий в других языках и должна считаться более поздней. Но тип построения латинской неполной парадигмы, в которой в единственном числе комбинируются *-v-* как показатель 1 л.ед.ч. (и 3 л.ед.ч.) и *-stī* как показатель 2 л.ед.ч., весьма архаичный. Большую древность неполной парадигмы в латинском языке подтверждает сравнение со структурно сходными парадигмами претерита в тохарском и хеттском языках.

В тохарском В претерит I класса глагола "быть": 1 л.ед.ч. *takāwa*, 2 л.ед.ч. *takāsta*, 3 л.ед.ч. *tāka*, 3 л.мн.ч. *takāre* [Krause W., Thomas W. 1960: 196]. Тохарский претерит восходит к и.-е. перфекту и аористу, и процесс исторического развития шел в направлении постепенной утраты морфологических признаков перфекта [Winter 1994: 394–306]. Конечное долгое *-ā-* основы I претерита считается основообразующим суффиксом и.-е. аориста. В окончаниях 1 л.ед.ч. *-wa* и 2 л.ед.ч. *-sta* Адамс [Adams 1993: 19] выделяет частицу *ā*. При таком анализе окончанием 1 л.ед.ч. является **-w-* и окончанием 2 л.ед.ч. **-st-*, как в латинской неполной парадигме перфекта *nōv-ī*, *nōst-ī* (*-ī* имеет актуализирующее значение).

В хеттском языке некоторые глаголы спряжения на *-hi* с долговокалическим корнем имеют в претерите активного залога следующую парадигму, например, претерит глаголов *dā*- "брать", *dāi*- "класть", *pāi*- "давать":

1. <i>dahhun</i>	<i>tehhun</i>	<i>pehhun</i>
2. <i>dāš</i> , <i>dātta</i>	<i>dāišta</i> , <i>dāitta</i>	<i>pāišta</i> , <i>pāitta</i>
3. <i>dāš</i> мн.ч. <i>dāir</i>	<i>dāiš</i> мн.ч. <i>dāier</i>	<i>pāiš</i> , <i>pešta</i> мн.ч. <i>pier</i>

[Фридрих 1952: 108; Oettinger 1979: 64, 75].

В окончании 1 л.ед.ч. – *hup* многие лингвисты видят результат контаминации окончания 1 л.ед.ч. – *ha* (*-*H₂e*) и.-е. перфекта, сохранившегося в лувийском языке, и окончания *-un* (*-*m* или тематическое *-*om*) претерита спряжения на *-mi*. [Sturtevant 1951: 140; Oettinger 1979: 452; Шмальштиг 1988: 288].

Другое решение дал Бенвенист. Он сопоставил элемент *-u-* в хеттском окончании 1 л.ед.ч. претерита *-un* с элементом *-*u/-w-* в формах 1 л.ед.ч. перфекта в древнеиндийском языке (*jañāu*), в латинском языке (*mon-u-i*) и в тохарском претерите (*nek-w-a*). В хеттском языке к этому окончанию 1 л.ед.ч. *-*w* и.-е. перфекта, который, по мнению Бенвениста, в хеттском языке получил функцию претерита, было присоединено окончание 1 л.ед.ч. *-*om* или *-*m* > хет. *-*um* > *-un* [Benveniste 1962: 18].

Сравнение парадигм перфекта в латинском и древнеиндийском, и претерита в тохарском и хеттском языках, в которых форма 1 л.ед.ч. имеет элемент *-*u/w-*, показывает, как велико их сходство.

лат. <i>gnō</i> - "знать"	др. инд. <i>jñā</i> - "знать"	тох. В <i>takā</i> - "быть"	хет. <i>dā</i> - "брать"
1. (<i>g</i>) <i>nōvī</i>	<i>ja-jñāu</i>	<i>takāwa</i>	<i>dahhun</i>
2. <i>nōstī</i>	<i>ja-jñātha</i>	<i>takāsta</i>	<i>dāš</i>
3. <i>nōvit</i>	<i>ja-jñāu</i>	<i>tāka</i>	<i>dāš</i>
3. мн.ч. <i>nōrunt</i>	<i>ja-jñūr</i>	<i>takāre</i>	<i>dāir</i>

Все эти глаголы имеют долговокалический корень (основу) и следующие окончания:

Окончание 1 л.ед.ч. *-*u* сохранилось в древнеиндийском перфекте, в других языках к этому окончанию было присоединено еще одно окончание 1 л.ед.ч. (лат. *-*w* + *ai* > *-vī*, хет. *-*u* + *m* > *-un*) или частица (тох. *-*w* + *ā* > *-wa*). Окончание 2 л.ед.ч., вероятно, уже в индоевропейском праязыке было представлено двумя вариантами *-*tH₂e* и *-*stH₂e* [Risch 1975: 254], в хеттском языке отражены оба этих варианта (ср. формы *dāitta* и *dāišta* глагола *dāi*- "класть"), в других языках только один вариант: лат. *-stī* < *-*stH₂e* + *i*. Особенностью рассматриваемой парадигмы перфекта (претерита) является то, что форма 3 л.ед.ч. совпадает либо с формой 1 л.ед.ч. (др.-индийский, латинский языки), либо с формой 2 л.ед.ч. (хеттский язык), или имеет нулевое окончание (в тохарском языке при рассмотрении в синхронии). Основное парадигматическое отношение – это противопоставление форм 1 л.ед.ч. и 2 л.ед.ч., причем доминирует форма 1 л.ед.ч., в раннелатинских текстах это проявляется в высокой частотности формы 1 л.ед.ч. Форма 3 л.мн.ч. имеет во всех рассматриваемых парадигмах окончание *-*r/-r̥*.

Итак, реконструируемые окончания:

1 л.ед.ч. *-*u/w*

2 л.ед.ч. *-*stH₂e*/*-*tH₂e*

3 л.ед.ч. = 1 л.ед.ч. / = 2 л.ед.ч.

3 л.мн.ч. *-*r/-r̥*

Сходство личных окончаний, как и вообще структурное сходство данных парадигм в латинском, древнеиндийском, тохарском и хеттском языках доказывает архаизм латинской неполной парадигмы. То, что эта парадигма изначально представляла собой парадигму и.-е. перфекта, доказывает грамматическая семантика некоторых латинских форм 1 л.ед.ч. (*nōvī* "я знаю", *cōnsuevī* "я имею привычку", *quieṽi* "я спокоен"). Семантика этих форм характерна для и.-е. перфекта. Отметим также, что в древнеиндийском языке, в котором различались морфологические категории перфекта и аориста, парадигма с формой 1 л.ед.ч. на *-āu*, – это парадигма перфекта.

Полная парадигма *nōvī, nōvistī*..., в которой *-v-* является приметой всей парадигмы, – более поздняя, она сформировалась на каком-то этапе доистории латинского языка и связана со сменой языковой нормы. Это был период формирования двух параллельных систем инфекта и перфекта с жестким правилом образования всех форм системы от определенной основы – инфекта или перфекта. Форму 2 л.ед.ч.

nōvisī следует считать вторичной, развившейся из более ранней формы *nōstī*. В полной парадигме образование формы 2 л.ед.ч с окончанием *-stī* при условии сохранения основы перфекта *nōv-* невозможно фонетически, так как в группе из трех согласных с начальным сонорным (*-vst-*) выпадает, как правило, первый компонент, (ср. *-rst-* > *-st-* например, **terstis* > *testis*) или второй компонент [ср. *-rcm-* > *-rm-*, например, **torcmentum* (ср. *torqueo*) > *tormentum*]. Сохранению основы перфекта *nōv-* во всех формах парадигмы способствовало появление в форме 2 л.ед.ч переходного элемента от сонанта *-v-* к *-st-* в виде краткого гласного *-i-*, близкого по произношению к греческому *Υ*. Грамматисты древнего Рима отмечают это произношение Великий Лонг (I век н.э.) в книге об орфографии указывает, что написание слова и его произношение часто не совпадают, например, в словах *vir*, *virtus* пишется *-i-*, а звучит почти *-u-* (GL VII, 75). Еще более подробное описание звука *-i-*, когда он следует за согласным *v*, дает Присциан. *ι quidem, quando post v consonantem loco digamma functam Aeolici ponitur brevis sonum Υ Graecae videtur habere ut video, vim*. ("когда после согласного *v*, используемого как дигамма эолийского (языка), стоит краткое *-i-*, оно имеет звучание греческого *Υ*, например, *video, vim...*") [GL II, 7].

В полной парадигме перфекта *nōvī, nōvisī...*, формы которой имеют основу *nōv-*, в форме 2 л.ед.ч легко вычленилось окончание *-istī*. Это окончание *-istī* затем получило распространение в других классах латинского перфекта, имевших прежде, вероятно, другое окончание, возможно, и.-е. окончание **-iH₂e*.

Таким образом, данные латинского языка и сравнение с хеттским и тохарским глаголом показывают, что элемент *-is-* в окончании 2 л.ед.ч *-istī* имеет сравнительно позднее происхождение и связан с формированием полной парадигмы перфекта на *-vī*.

2. ЭЛЕМЕНТ *-IS-* В ФОРМАХ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТА КОНЪЮНКТИВА

Традиционно считается, что суффикс конъюнктива плюсквамперфекта *-issē-* представляет собой комбинацию элемента *-is-* и суффикса конъюнктива имперфекта *-sē-*. Историческая связь категорий конъюнктива имперфекта и плюсквамперфекта бесспорна и ясно обнаруживается в функционировании форм той и другой категории в текстах ранней латыни. Формы конъюнктива имперфекта численно намного превосходят формы конъюнктива плюсквамперфекта, которые в ранней латыни редки. Вот некоторые цифры, которые приводит Ф. Тома [Thomas 1938: 213–214]: в текстах доклассической латыни 179 глаголов имеют формы конъюнктива имперфекта и не имеют форм конъюнктива плюсквамперфекта; 32 глагола имеют формы только конъюнктива плюсквамперфекта. Глагол *esse* "быть" встречается в формах конъюнктива имперфекта 77 раз, и только 3 раза в формах конъюнктива плюсквамперфекта. Частотность форм обеих категорий выравнивается в классической латыни, в речах Цицерона глагол *faciō* "делаю" употребляется в формах конъюнктива имперфекта 68 раз и 69 раз в формах конъюнктива плюсквамперфекта.

Синтаксические функции форм конъюнктива имперфекта и плюсквамперфекта в ранней латыни во многом сходны.

Конъюнктив имперфекта употребляется при выражении желательности действия неисполнимого в данный момент: Ter.Ad.453: *Utinam hic prope adesset alicubi atque audiret haec* "Был бы он тут поблизости и слышал бы это"; Ter.Andr.606: *Utinam mi esset aliquid hic quo nunc me praecipitem darem* "Было бы здесь, куда бросился бы я сейчас вниз головой"; Ter.Eun.91. *O Thais, utinam esset mihi pars aequa amoris tecum* "О Таис, если бы ты любила меня так, как я тебя.."; Plt. Rud.532: *Utinam fortuna nunc anetina uterer ut quom exissem ex aqua, arerem tamen* "Была бы у меня теперь утиная усть, чтобы был я сухим, когда вышел из воды"; Plt. Amph.574: *Homo hic ebrius est, ut opinor – Utinam ita essem*. "Этот человек, думаю, пьян". – "О, если бы был".

Конъюнктив имперфекта служит выражению возможности действия в настоящем времени или в прошедшем, иногда с дополнительным значением долженствования.

ния. Вот некоторые примеры Plt Most. 454 (диалог раба и хозяина дома): *an tu tetigisti has aedes? – Cur non tangerem?* "Ты дотронулся до этого дома? – Почему бы мне не дотронуться?" (= почему не должен был я дотрагиваться?). Plt.Mer 630 (разговор двух юношей): *Perdidisti me... – Quid ego facerem? – Quid tu faceres? men rogas? requireres, rogitares quis esset, aut unde esset.* "Предал ты меня. . – Что должен был я делать? – Что должен был ты делать? Спрашиваешь меня? Ты должен был узнавать, расспрашивать, кто он или откуда он...". Отнесенность к прошедшему времени всех требуемых действий, представленных формами конъюнктива имперфекта, узнается из контекста, который начинается формой перфекта *perdidisti* "ты предал". Plt.Poen.386 (разговор юноши и его раба): *Sicine ego te orare iussi? – Quo modo ergo orem? – Rogas? sic enim diceres.* . "Так ли приказал я тебе говорить? – Так как же должен был я говорить? – Ты должен был так говорить...", Plt.Pseud. 285 (слова сводника влюбленному юноше): *si amabas, invenires mutuom, ad danustam devenires, adderes foenusculum, surruperes patri* . "Если ты был влюблен, мог бы взять (деньги) взаймы, мог бы пойти к ростовщику, добавить процент или выкрасть у отца . ". В тексте стоят подряд четыре формы конъюнктива имперфекта, обозначая действия возможные в прошлом. Plt Poen. 1139: *advenisti hodie in ipso tempore, namque hodie earum mutarentur nomina facerentque indignum genere quaestum corpore* . . ты пришел сегодня вовремя, ибо сегодня изменили бы их имена и заставляли бы зарабатывать недостойно телом". В тексте наречие *hodie* "сегодня" показывает, что посредством форм конъюнктива имперфекта сообщается о действиях возможных в настоящий момент.

Синтаксический контекст вопросительного предложения усиливает значение возможности действия, свойственное конъюнктиву имперфекта. Например, Ter Ad 395 *Num sineres vero illum tuom (filium) facere haec? – Sinerem illum?* "Позволил бы ты твоему (сыну) совершать это? – Позволил бы ему?"; Ter.Ad.676 *...advorsumne illum causam dicerem quod veneram advocatus?* "Мог бы я говорить против того, к кому я пришел приглашенный?". Отнесенность действия, лишь возможного, к прошедшему времени ясна благодаря форме плюсквамперфекта *veneram* "я пришел".

В условном предложении формы конъюнктива имперфекта служат выражению нереальности условия, как в настоящем, так и в прошедшем времени. Ср. Plt.Asin.592 (разговор юноши и девицы): *Cur me retentas? – Quia tui amans abeuntis ego.* – *Vale.* – *Aliquantum amplius valerem, si hic maneres.* "Почему ты удерживаешь меня? – Потому что люблю, и мне недостает тебя, когда ты уходишь. – Будь здорова – Я была бы здоровее, если бы ты оставался здесь". Отнесенность условия к настоящему времени очевидна; Plt.As 196 (диалог юноши и сводни): *Ubi illaec quae dedi ante? – Abusa Nam si ea durarent mihi, mulier mitteretur ad te* "Где те (деньги), которые я дал раньше? – Истрачены. Ведь если бы они были у меня, я послала бы женщину к тебе". Plt.Trip.113 (старик рассказывает, что его сосед перед отъездом поручил ему свою дочь и сына и все свое имущество): *Haec si mihi inimicus esset, credo haud crederet* "Если бы не был он другом мне, то, думаю, не доверил бы". Весь рассказ идет о событиях прошлого, включая условие. Употребление форм конъюнктива имперфекта в условных предложениях, в которых сообщается об условии нереальном в настоящем времени или в прошедшем времени, заставляет считать, что конъюнктив имперфекта не имел временного значения в ранней латыни, как позже в период классической латыни. Это была грамматическая категория модальности, служившая выражению неисполнимого желания, или возможности действия, или неисполнимости условия. Время, когда могли происходить эти действия, узнавалось из контекста.

Формы конъюнктива плюсквамперфекта, как и формы конъюнктива имперфекта, служат выражению неисполнимого желания, или обозначают действие лишь возможное, или нереальное условие, но содержание сообщаемого всегда ориентировано в план прошедшего времени. Вот несколько примеров: Plt Rud 497: *Utinam in carcere illo potius cubuissem die* "Лучше бы лежал я в тюрьме в тот день"; Plt.Stich.590: *...et equidem simitu hau maligne vos invitassem domum ad me, sed mihi domi*

nihil est "Я сразу охотно пригласил бы вас к себе домой, но дома у меня ничего нет"; Plt.Ep.627: *siccin iussi ad me ire? pedibus plumbeis qui perhibetur prius venisset quam tu advenisti mihi* "Так велел я тебе идти ко мне? Тот, у кого были бы свинцовые ноги, пришел бы раньше, (мог прийти раньше), чем ты пришел ко мне".

В основном предложении формы конъюнктива плюсквамперфекта обозначают нереальность условия в прошлом. Plt.Most.241: *Si summo Iovi bono argento sacrificassem, pro illius capite quod dedi, numquam aequae id bene locassem* "Если бы я Юпитеру пожертвовал те деньги, что за ее свободу дал, вложил бы их не лучше"; Plt.Men.241: *Nam invenissemus iam diu, si viveret*. "Мы нашли бы его уже давно, если бы он был жив". В тексте Катона Старшего, который приводит Авл Геллий [Gellius 1903. X 23, 4–5], употребляются в двух условных предложениях, в которых говорится об одной и той же ситуации, формы конъюнктива плюсквамперфекта и имперфекта без всякого различия в значении, выражая некое предположение и возможное следствие: *In adulterio uxorem tuam siprehendisses, sine iudicio impune necares, illa te, si adulterares ..., digito non auderet contingere, neque ius est* "Если бы ты застал твою жену в прелюбодеянии, ты мог бы убить ее безнаказанно без суда; если бы ты прелюбодействовал, она не смела бы пальцем коснуться тебя, нет права".

Итак, формы конъюнктива имперфекта и плюсквамперфекта имеют в ранней латыни одни и те же модальные значения. Ф. Тома отмечает, что конъюнктив плюсквамперфекта не имеет ни одной специфической модальной функции, которая противопоставляла бы его имперфекту конъюнктива [Thomas 1938: 28]. Зоной конкуренции форм той и другой категории является область их функционирования в сообщениях о действиях возможных или предположительных в прошедшем времени.

Период ранней латыни переходный: еще сохраняются следы старой языковой нормы, но уже сложились языковые отношения, характеризующие новую норму языка. Этот переход от старой языковой нормы к новой обнаруживается в статусе конъюнктива плюсквамперфекта: формы его немногочисленны, намного уступают в числе формам конъюнктива имперфекта, имеется зона конкуренции форм этих двух грамматических категорий, которой уже почти нет в классической латыни. Все это показывает, что конъюнктив плюсквамперфекта по происхождению сравнительно поздняя формация. Сохранилось несколько корневых глагольных форм с суффиксом *-sē-*, которые стоят вне системы инфекта-перфекта и толковались античными филологами или как формы конъюнктива имперфекта, или как формы конъюнктива плюсквамперфекта: это *foret, faxem, subaxet*. Грамматист Диомед [GL I 379, 28] пишет: *forem, fores, foret pro eo quod est essem, esses, esset dumtaxat dicimus* "формы *forem, fores, foret* вместо *essem, esses, esset*, по крайней мере мы так говорим", т.е. эти формы *forem, fores...* (**bhu-sē-*) понимались как формы имперфекта конъюнктива. Лексикограф Марцелл Ноний [Nonius Marcellus 1903. 116] приводит форму *subaxet* (**subag-sē-*), ссылаясь на Пакувия, и дает толкование посредством формы плюсквамперфекта конъюнктива *subegisset*. Форма *faxem* встречается один раз в тексте Плавта: Plt.Pseud.499: *pistrinum in mundo scibam, si id faxem, mihi* "Я знаю, что будет мне мельница (= жестокое наказание), если бы я сделал это". В этом контексте форма *faxem* имеет значение, свойственное конъюнктиву плюсквамперфекта, обозначая нереальное в прошлом действие [Safarewicz 1969: 236].

Эти архаичные корневые формы с суффиксом *-sē-*, понимаемые носителями языка то как формы имперфекта конъюнктива, то плюсквамперфекта конъюнктива, позволяют предполагать, что плюсквамперфект конъюнктива сформировался на базе имперфекта конъюнктива.

Процесс формирования системы инфекта-перфекта и вовлечения в систему не только форм индикатива, но также форм конъюнктива, и процесс темпорализации форм привели к тому, что формы конъюнктива с суффиксом *-sē-*, не имевшие первоначально временного значения, в условиях новой языковой нормы не соответствовали основным структурным характеристикам системы. Становление плюсквамперфекта конъюнктива как формации, сохраняющей модальные функции форм

конъюнктива на *-sē-*, но имеющей значение прошедшего времени, предположительно проходило следующим образом. В IV в. до н.э. противопоставление глухого и звонкого вариантов фонемы *s : z* сменилось противопоставлением фонем *s : r* (ротацизм). Экспонентом форм имперфекта конъюнктива стал суффикс *-rē-* < **-sē-*. Старые формы конъюнктива с суффиксом *-sē-* некоторых первичных глаголов, как *subaxet*, *faxet*, сохранив свои модальные функции, получили новую функцию, указывая на отнесенность действия к прошедшему времени, что прежде выявлялось только в контексте. По закону Куриловича между старыми и новыми формами возникает семантическая дифференциация, при этом новая форма сохраняет первичную семантическую функцию, а старая форма получает вторичную функцию [Курилович 1964: 14]. К числу архаичных форм конъюнктива с суффиксом *-sē-*, находящихся вне системы инфекта-перфекта, как *subaxet* (глагол *agō, ēgī*), как *faxet* (глагол *faciō, fēcī*), можно отнести такие корневые формы конъюнктива, как *(g)nōssem* (Plt.Tr.957) [глагол *(g)nōscō, (g)nōvī*], как *cōnsuēsset* (Ter.Hec. 555) (глагол *cōnsuēscō, cōnsuēvī*), которые традиционно рассматриваются как краткие формы с синкопой слога *-vi-*. Но фонетически закономерным было выпадение *-v-* только в позиции между одинаковыми гласными, поэтому неубедительно объяснение, что *nōssem* < *nōvissem*. Двойное *-ss-* в формах типа *nōssem* было графическим знаком глухого *-s-*, появившимся в орфографии в начале II в. до н.э. Есть основание считать, что согласный элемент суффикса *-sē-* был изначально глухим *-s-*, на то указывает написание этого суффикса в итальянских языках: оск. *fusid "foret"*, *patensins "aperirent"*, пелигн. *upsaseter "fieret"*.

Трансформация более ранней формы конъюнктива плюсквамперфекта *nōssem* в форму, образованную от основы перфекта, *nōvissem* предполагает, что формирование полной парадигмы перфекта *nōvī, nōvistī* было уже свершившимся фактом. Как в *nōvistī*, так и в форме *nōvissem* элемент *-i-* развился на стыке морфем между фонемами *-v-* и глухим *-ss-*. В условиях новой языковой нормы оппозиция конъюнктива имперфекта и плюсквамперфекта выражалась контрастом не только суффиксов *-rē-* и *-i-sē-*, но и глагольных основ инфекта и перфекта: *nōscerem: nōvissem*.

Видеть в элементе *-is-* древний по происхождению суффикс и.-е. претерита, как предполагает Адамс [Adams 1994], или считать, что он сформировался на раннем этапе доистории латинского языка, нет оснований. В сабелльских языках элемента *-is-* нет.

3. ГЛАГОЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ С ЭЛЕМЕНТОМ *-ER-*

Это – будущее II, перфект конъюнктива и плюсквамперфект индикатива. Формы будущего II на *-erō* и конъюнктива перфекта на *-erit* имеют окончания, которые совпадают с окончаниями архаичных форм сигматического будущего и конъюнктива на *-sō, -sum*, например, *faxō, faxim*. Но в синтаксическом функционировании формы будущего II заметно отличаются от форм сигматического будущего. Есть несколько синтаксических конструкций характерных для форм типа *faxō* и невозможных для форм будущего II. 1) бессоюзное сочетание *faxō* с формой конъюнктива или с формой будущего времени другого глагола, например, Plt.Ba.831. *faxo iam scias/scies* "сделаю, (что) узнаешь", 2) сочетание с *cave*, например, *cave faxis* "остерегайся делать"; 3) В условном предложении архаичные формы сигматического будущего употребляются как правило в придаточной части предложения, формы же будущего II в текстах Плавта чаще всего в главной части предложения. Такое расхождение заставляет считать, что будущее II унаследовало от сигматического будущего флексию, но не грамматическое значение. Вот некоторые примеры условных предложений со сказуемым в форме будущего II в главной части предложения. Plt.Capt.695. *Si istuc faxis, haud sine poena feceris* "Если ты это сделаешь, то сделаешь не безнаказанно". Форма будущего II *feceris* в главной части условного предложения называет действие в будущем времени как следствие того предположительного действия, о котором говорится в придаточной части предложения *si faxis*. Plt.Rud.1132 (рыбак выловил в море сундучок, в котором лежала шкатулка, девушка, зная, что это ее

шкатулка, обращается к рыбаку): *ego dicam quidquid inerit nominatim . .si falsa dicam, frustra dixerо* "я назову все, что там находится если я скажу неправильно, (значит) буду говорить напрасно". В придаточной части условного предложения стоит форма будущего I (*si dicam*), а в главной части форма будущего II (*dixerо*), указывая на следствие, вытекающее из предыдущего действия. Plt.Mil.297: *Si falso insimulas Philocomasium, hoc perieris* "Если клеветнешь на Филокомасию, то погибнешь"; Plt.Per 131 (разговор раба и парасита): *Hic leno neque te novit neque gnatum tuam – Me ut quisquam norit, nisi ille qui praebet cibum?* "Этот сводник не знает ни тебя, ни твою дочь. – Как будет знать кто-нибудь меня, как не тот (= если не тот), кто дает еду"; Plt.Capt 968 *Si eris verax, ex tuis rebus feceris meliusculas* "Если будешь говорить правду, больше пользы принесешь себе" В придаточной части условного предложения употребляется здесь форма будущего I *eris*, а в главной части будущее II *feceris*. В классической латыни наоборот стало нормой употребление в придаточной части условного предложения форм будущего II со значением предшествования в плане будущего времени, а в главной части предложения будущего I (*si feceris, eris*).

Обозначение следствия, или результата, или вообще связанности будущего действия с другим более ранним характерно для форм будущего II в ранней латыни не только в условном предложении, но и в других синтаксических контекстах. Например, Plt.Most 707 (диалог старика и раба): *certa res est, ut abeam potius hunc ad forum – Abitus tuos tibi, senex, fecerit male*. "Решено, лучше уйду отсюда на площадь. – Твой уход, старик, навлечет на тебя беду" В первом предложении сообщается о решении старика уйти, а во втором говорится о результате этого действия в форме будущего II *fecerit male* "навлечет беду" Plt.As.839 (разговор сына с отцом): *Ne dixis istuc – Ne sic fueris, ilico ego non dixerо*. "Не говори этого – Не будь таким, тогда и я не буду говорить" Запрет "не будь таким" выражается формой конъюнктива перфекта *ne fueris*, а результат его формой будущего II *non dixerо* "не буду говорить" Plt.Ba.90: *illa quidem hanc abducat, nullus tu adfueris, si non lubet* "она ее уведет, ты не будешь присутствовать, если (тебе) не угодно" Желание говорящего показать связанность второго действия "не будешь присутствовать" с первым "уведет" передается употреблением формы будущего II *adfueris*

Ter.Andr 639 (юноша в смятении чувств говорит) *Sed quid agam? adeamne ad eum et cum eo iniuriam hanc expostulem? ingeram mala multa? atqui aliquis dicat: "nil promoveris"* *multum molestum certe ei fuero atque animo morem gesserо* «Но что делать? – иди мне к нему и обиду высказать? Разругать его? Кто-нибудь скажет: "Ничего не добьешься" Да многого (добьюсь) досажу ему и душу отведу свою». В тексте Теренция форма конъюнктива презенса, выражающим сомнение, неуверенность говорящего, противопоставляются формы будущего II *fuero, gesserо*, которые передают уверенность его в результате

Уже в ранней латыни формы будущего II начинают обозначать будущее действие, предшествующее другому действию. Такое употребление встречается в придаточной части условного предложения, при этом в главной части предложения может сохраняться тоже форма будущего II, например, Plt.Pseud 512 *Certe scio, si abstuleris, mirum et magnum facinus feceris* "Твердо знаю, если заберешь (деньги), удивительный поступок совершишь". Примечательно, что в текстах древнеримских законов, в которых очень точно оговаривались условия предписываемых законом действий, формы будущего II сохраняли значение, присущее им в ранней латыни. Вот некоторые примеры

Lex repetundarum ("Закон против вымогательства") CIL I² 583, 10 (123 год до н.э.) *Qui ex h.l. pecuniam petet nomenque detulerit..* "Кто по этому закону будет требовать (возврата) денег и объявит имя (ответчика)" Судебный процесс в древнем Риме начинался с объявления истцом имени лица, которого он привлекал к судебной ответственности. В тексте закона употребляется сначала форма будущего I *petet*, затем форма будущего II *detulerit*. Очевидно, что функция будущего II состоит в том, чтобы указать, что это действие является следствием первого "будет требовать, по-

этому объявит имя". В тексте того же закона формы будущего II оказываются синтаксически связаны не только с формами будущего I, но и с перфектом. В 12 главе закона устанавливаются правила выбора судей. В ряде определительных предложений указывается, кого не следует выбирать судей. Вот одно из этих предложений. *queive mercede conductus depugnauit depugnauerit* "кто нанятый за плату вел борьбу, будет вести борьбу". Такое парное сочетание форм перфекта и будущего II, образованных от одной и той же основы, нередко встречается в текстах законов. Например, *lex Iulia municipalis* "Закон Юлия о муниципиях" (CIL I² 543,13: 45 год до н.э.). Закон устанавливал правила выборов городских магистратов, предписывалось, кого не следует выбирать в сенат: *queive depugnandei caussa auctoratus est, erit fuit, fuerit* "кто нанят для борьбы, будет нанят, был (и) будет (оставаться) нанятым". В этом тексте парное сочетание форм перфекта и будущего II *fuit fuerit* подобно сочетанию *depugnauit depugnauerit*. Функция формы будущего II в отличие от будущего I не просто указать на отнесенность действия к будущему времени, но подчеркнуть связанность будущего действия с предыдущим, относится ли оно тоже к плану будущего времени (как *petet... detulerit*), или к плану прошедшего времени (как *fuit fuerit* или *depugnauit depugnauerit*). В последнем случае используются парные сочетания форм перфекта и будущего II: функция формы будущего II – передать, что будущее действие является продолжением того действия, которое производилось в прошлом.

Семантическое развитие будущего II шло от значения будущего действия, связанного с предыдущим действием, как его следствие, или результат, или продолжение, к значению ближайшего будущего, примыкающего к настоящему моменту (ср. Plt.As. 705. *Inscende actutum – Ego fecero*. "Влезай скорей. – Я выполню".) и, наконец, к значению предшествования в плане будущего времени. Темпорализация будущего II и развитие относительно-временного значения шли параллельно с тем же процессом темпорализации перфекта. от значения состояния субъекта в настоящем времени и значения достигнутого состояния, как результата предыдущего действия, к значению прошедшего времени. Этот процесс поддерживался слиянием перфекта и аориста в итальянских языках. Наиболее раннее значение будущего II – значение будущего действия, связанного с предыдущим действием, как его следствие или результат – можно рассматривать как проекцию значения результативного перфекта в план будущего времени. В ранней латыни будущее II в плане содержания – это перфектное будущее. Образование форм будущего времени от основы перфекта известно в древнегреческом языке, например, ἑστήξω "я буду стоять", ἑστήκα – перфект "я стою", но ἵστημι – презенс "я ставлю", однако функции латинского будущего II значительно разнообразнее, его роль в истории латинского языка несравненно большая, чем у форм перфектного будущего в древнегреческом языке. Сохранившиеся еще в классической латыни разнообразные функции будущего II свидетельствуют о длительности истории этого образования.

Грамматическая категория будущего II существовала и в сабелльских языках. Формы будущего II в оскском, умбском и других языках древней Италии образуются так же от основы перфекта, как и в латинском языке, например, оск. 3 л.ед.ч. *fefacist* "fecerit" ср. перфект конъюнктива оск. *fefacid*, умбр. 2 л.ед.ч. *benus* "veneris", ср. перфект оск. *kum-bened* "con-venit". Сходство латинского и сабелльского будущего II обнаруживается также в синтаксическом функционировании форм. Как правило формы будущего II употребляются в придаточных предложениях временных, условных и относительных, обозначая действие предшествующее другому действию в плане будущего времени. Употребление формы будущего II в главной части условного предложения, столь характерное для ранней латыни, сохранилось в умбском языке в единственном примере – в Игувинских таблицах VI а7. В тексте делается предупреждение, чтобы во время наблюдения за полетом священных птиц не было никакого шума, и чтобы никто из посторонних не приближался. *sue mieto fust ote pi-si arsir andersesust disleralinsust* "если будет шум или кто-нибудь сядет рядом, все пойдет насмарку". В умбском тексте стоят формы будущего II и в придаточной части

предложения (*andersesust*) и в главной части условного предложения (*disleralinsust*), что встречается и в языке Плавта. Этот пример употребления формы будущего II в главной части условного предложения, когда говорится о следствии, вытекающем из условия, показывает, что категория будущего II в умбрском языке прошла тот же путь семантического развития, как и в латинском языке.

О происхождении формации будущего II в сабелльских языках высказывались различные предположения. Р. фон Планта считал окско-умбрское будущее II с его суффиксом *-us-* по происхождению сигматическим будущим от основы перфекта на *-v-* [Planta 1889, 2: 373]. Его решение не было принято, так как в окско-умбрском языке никаких следов этого перфекта нет. Положение изменилось во второй половине XX века с изучением южнопиценских надписей, в которых форма *opsút* AQ 2 была признана формой 3 л.ед.ч. перфекта с суффиксом **-u/w-*: **ops(a)u-* [Prosdociimi, Marinetti 1993: 300]. Это позволяет вернуться к теории Р. фон Планты.

Среди форм будущего II в сабелльских языках особое внимание привлекают две формы 3 л.ед.ч. в умбрском языке: *portust* "portaverit" (Tlg VII b3) и *uesticos* "libaverit" (Tlg VI b25). Оба глагола относятся к 1 спряжению (ср. формы императива *portatu* и *vestikatu*), но образование этих форм будущего II отличается от обычного (ср. образование формы будущего II 3 л.ед.ч. умбр. *andirsafust* "circumdederit" от основы перфекта *andirsāf-* глагола 1 спряжения *andirsā-* "окружать"). По мнению Рикса, форма *portust* глагола *portā-* "приносить" имеет вид образования от основы "сильного" перфекта первичного глагола [Rix 1992: 239]. Более правильно, как я думаю, мнение Планты, который видел в этих формах сигматическое будущее от перфекта с суффиксом *-v-*: *portust* < **portā-u-s-* и *uesticos* < **uesticā-u-s* [Planta 1889, 2: 372; Vetter 1953: 253]. Вследствие монофтонгизации в умбрском языке дифтонга *-au-* > *-ō-* (графически *u*, *o*: ср. умбр. *ute*, *ote* "aut") формы получили вид *portust*, *uesticos(t)*.

Есть основание предполагать, что становление грамматической категории будущего II в латинском языке так же проходило на базе перфекта на *-vī*, и что элемент *-er-* в формах будущего II отражает итальянский суффикс **-us-*, а не **-is-*, как это принято считать. Сходство семантики форм будущего II в латинском и сабелльских языках, позволяет считать, что происхождение будущего II в этих языках было единым: это были формы сигматического будущего с суффиксом **-se/o-* от основы перфекта на *-vī*, образованные по модели архаичных форм корневого сигматического будущего, как лат. *faxō*, *capsō*. Изменение латинской протоформы будущего II **gnō-w-se/o-* (**gneH₃-w-se/o-*) проходило предположительно следующим образом: в позиции перед согласным *-s-* (или между согласными *-H-* и *-s-*) сонант **-w-* реализуется как гласный *-u-*, и происходит удлинение этого гласного – морфологический прием в деривации, уточняющий деривационное отношение между перфектом и перфектным будущим: **gnō-w-*: **gnō-wu-se/o-* (долгие гласные в латинском моросчитающем языке имели двухчленную значимость [Тронский 2001: 51]). Подобное удлинение гласных *u*, *i* наблюдается в основах некоторых латинских прилагательных, производных от основ существительных с краткими *u*, *i*, например, *cornu*: *cornūtus*, *tribus*: *tribūnus*, *civis*: *civīlis* [Leumann 1977: 261]. Последующие изменения в протоформе будущего II связаны с процессом ротацизма и реализацией всех кратких гласных перед *-r-* как *-e-* [Sihler 1995: 62]: **gnōwusō* > (g)nōverō, ср. изменение *u* > *e* перед *-r-* в лат. *socer*, арх. *socerus* "свекор" из **swekuros* [Walde, Hofmann II: 550]. В дальнейшей истории латинского языка формы будущего II на *-erō*, *-eris...* распространились во всех классах перфекта.

Предлагаемое объяснение суффикса будущего II *-er-* как отражение в латинском языке итальянского суффикса *-us-* имеет то преимущество перед старым объяснением *-er-* < *-is-*, что оба элемента этого суффикса – *-w-/u-* (суффикс перфекта) и *-s-* (суффикс будущего времени) – известны и имеют соответствия в других и.-е. языках.

К системе перфекта относятся помимо будущего II также плюсквамперфект индикатива. Есть основание считать, что плюсквамперфект – поздняя грамматическая категория и по происхождению представляет собой вторичное образование от осно-

вы будущего II. В текстах древнеримских законов, язык которых имел архаизирующий характер, форм плюсквамперфекта нет [Siegert 1939: 10], но формы будущего II в определенном синтаксическом контексте имеют функцию плюсквамперфекта. Например, аграрный закон 111 г. до н.э. (CIL I² 585,65): *Ilvir, sei is ager locus, quei ei emptus fuerit, publice venieit, tantundem modum agri locet... ei quei ita emptum habuerit, dato reddito* "Если земельный участок – поле, который будет куплен для него (= истца), был продан в интересах государства, пусть дуумвиры дадут вернуть такую же меру земли-поля тому, кто будет иметь купленное таким образом (поле)". Последовательность ситуаций во времени здесь такова: для некоего лица был куплен участок земли, эта земля была продана в интересах государства, дуумвиры должны дать ему такой же участок земли. Поскольку действие – продажа – передается в тексте закона формой перфекта *venieit*, то более раннее действие – покупка – должно бы быть выражено формой плюсквамперфекта, но в тексте стоит форма будущего II *emptus fuerit*. Такое употребление показывает, насколько семантически гибкими были формы будущего II, которые в разных контекстах имели разное назначение.

Б. Комри в своей книге, посвященной категории времени, говоря об относительном будущем времени, пишет: "Все, на что указывает относительное будущее время, это то, что ситуация является более ранней по отношению к точке референции, при этом допускается, что эта ситуация локализуется после настоящего момента, или одновременно с настоящим моментом, или до настоящего момента" [Comrie 1986: 70]. В последнем случае функция будущего II совпадает с функцией плюсквамперфекта.

Тот факт, что грамматическая категория будущего II в латинском языке более древняя, чем категория плюсквамперфекта, и что в ранней латыни сохранились следы употребления форм будущего II в функции плюсквамперфекта, позволяет считать, что формирование плюсквамперфекта проходило на основе уже имеющихся в языке форм будущего II путем комбинации суффикса будущего II *-er-* и суффикса претерита *-ā-*: формы на *-eram*, *-erās*...

Последние образования, которые, утратив свою первоначальную автономность, вошли в систему инфекта-перфекта, были имперфект и плюсквамперфект конъюнктива.

Раздельное рассмотрение грамматических категорий, имеющих в составе форм элемент *-is-* или *-er-*, показало, насколько различно их происхождение и их роль в образовании форм латинского глагола. На раннем этапе истории латинского языка в неполной парадигме перфекта на *-vī* в форме 2 л.ед.ч. не было элемента *-is-*, окончанием было *-stī*, древность которого подтверждается сравнительным материалом хеттского и тохарского языков. В процессе формирования полной парадигмы перфекта на *-vī* окончанием 2 л.ед.ч. стало *-istī* за счет вставного переходного элемента *-i-* между основообразующим сонантом *-v-* и окончанием *-stī*. Из класса перфекта на *-vī* окончание 2 л.ед.ч. *-istī* было перенесено в другие классы перфекта. Напротив, *-er-* является отражением в латинском языке суффикса общелатинского будущего II **-us-*, который сохранился в сабелльских языках.

Формирование системы перфекта, включающей времена индикатива и конъюнктива, было длительным многовековым процессом: от образования будущего II в период италийского праязыка до образования поздней формации плюсквамперфекта индикатива в одном лишь латинском языке. Особая роль в этом процессе принадлежала перфекту на *-vī*. Полная парадигма перфекта на *-vī* была самой значительной по числу глаголов (первичных – корневых и вторичных – отыменных и отглагольных), имеющих в исходе корня (или основы) долгий гласный (ср. *plē-vī*, *gnō-vī*, *amā-vī*, *cantā-vī*). Тот факт, что полная парадигма перфекта на *-vī* является результатом трансформации архаичной неполной парадигмы, имеющей соответствия в хеттском и тохарском языках, показывает, насколько длительной была история перфекта на *-vī*, обеспечившая особую его устойчивость. Формированию грамматических категорий – будущего II и плюсквамперфекта – на базе перфекта на *-vī* способствовало то,

что сонант *-w-, как маркер перфекта, мог иметь различную реализацию, вокалическую или консонантную, в разном фонологическом окружении и легко выделялся в производных словоформах. С другой стороны, важной характеристикой перфекта на -vī было сохранение древней семантики и.-е. перфекта (ср. *nōvī* "я знаю", *cōnsuēvī* "я имею привычку"), отразившейся в грамматической семантике будущего II. Древнейшая автономная система перфекта в итальянских языках была двухчленной: перфект: перфектное будущее.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- CIL – Corpus inscriptionum Latinarum. V. I. Berolini, Lipsiae, 1918.
 GL – Grammatici Latini. V. I. Lipsiae, 1857, V. II. 1858, V. VII. 1880.
 Plt.Amph. – Plautus, Amphitruo. London; Cambridge (Mass.), 1944.
 Plt.As. – Plautus, Asinaria. London; Cambridge (Mass.), 1944.
 Plt.Au. – Plautus, Aulularia. London; Cambridge (Mass.), 1944.
 Plt.Ba. – Plautus, Bacchides. London; Cambridge (Mass.), 1944.
 Plt.Capt. – Plautus, Captivi. London; Cambridge (Mass.), 1944.
 Plt.Ep. – Plautus, Epidicus. London; Cambridge (Mass.), 1944.
 Plt.Men. – Plautus, Menaechmi. London; Cambridge (Mass.), 1944.
 Plt.Mer. – Plautus, Mercator. London; Cambridge (Mass.), 1944.
 Plt.Mil. – Plautus, Miles gloriosus. London; Cambridge (Mass.), 1944.
 Plt.Most. – Plautus, Mostellaria. London; Cambridge (Mass.), 1944.
 Plt.Per. – Plautus, Persa. London; Cambridge (Mass.), 1944.
 Plt.Poen. – Plautus, Poenulus. London; Cambridge (Mass.), 1944.
 Plt.Pseud. – Plautus, Pseudolus. London; Cambridge (Mass.), 1944.
 Plt.Rud. – Plautus, Rudens. London; Cambridge (Mass.), 1944.
 Plt.Stich. – Plautus, Stichus. London; Cambridge (Mass.), 1944.
 Plt.Trin. – Plautus, Trinummus. London; Cambridge (Mass.), 1944.
 Ter.Ad. – Terentius Publius, Adelphi. Cambridge (Mass.), 1979.
 Ter.Andr. – Terentius Publius, Andria. Cambridge (Mass.), 1979.
 Ter.Eun. – Terentius Publius, Eunuchus. Cambridge (Mass.), 1979.
 Ter.Hec. – Terentius Publius, Hecyra. Cambridge (Mass.), 1979.
 Tlg. – Tabulae Iguvinae // Vetter E. Handbuch der Italischen Dialekte. Heidelberg, 1953.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барроу Т. 1976 – Санскрит. М., 1976.
 Елизаренкова Т.Я. 1982 – Грамматика ведийского языка. М., 1982.
 Тронский И.М. 2001 – Историческая грамматика латинского языка. М., 2001.
 Шмалытиг В. 1988 – Морфология глагола // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988.
 Фридрих И. 1952 – Краткая грамматика хеттского языка. М., 1952.
 Adams D.Q. 1993 – Revisiting the person-number endings of Tocharian B // Tocharian and Indo-European studies. V. 6. Reykjavik, 1993.
 Adams D.Q. 1994 – The Tocharian class III preterite // In honorem Holger Pedersen. Wiesbaden, 1994.
 Benveniste E. 1962 – Hittite et indo-européen. Études comparatives. P., 1962.
 Comrie B. 1986 – Tense. London; New York, 1986.
 Ernout A., Meillet A. 1939 – Dictionnaire étymologique de la langue latine. Paris, 1939.
 Gellius Aulus 1903 – Noctium Atticarum libri XX. Lipsiae, 1903.
 GL 1857 – Grammatici Latini / Hrsg. von... Keil. Lipsiae, 1857.
 Krause W., Thomas W. 1960 – Tocharisches Elementarbuch. Bd. 1. Heidelberg, 1960.
 Kuryłowicz J. 1964 – The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964.
 Leumann M. 1977 – Lateinische Laut- und Formenlehre. München, 1977.
 Lodge G. 1925 – Lexicon Plautinum. Lipsiae, 1925.
 Nonius Marcellus 1903 – De compendiosa doctrina. Lipsiae, 1903.
 Oettinger N. 1979 – Die Stammbildung des hethitischen Verbums. Nürnberg, 1979.
 Planta R. von 1897 – Grammatik der oskisch-umbrischen Dialekte. Bd. 1–2. Strassburg, 1897.

- Prosdocimi A., Marinetti A.* 1993 – Appunti sul verbo latino italico III: Sulla morfologia del tema-base del perfetto latino. I perfetti in -u- e in -s- // Sprachen und Schriften des antiken Mittelmeerraums. Innsbruck, 1993.
- Risch E.* 1975 – Zur Entstehung des hethitischen Verbalparadigmas // Flexion und Wortbildung. Wiesbaden, 1975.
- Rix H.* 1992 – Zur Entstehung des lateinischen Perfektparadigmas // Latein und Indogermanisch. Innsbruck, 1992.
- Safarewicz J.* 1969 – Historische Lateinische Grammatik. Halle, 1969.
- Schmidt G.* 1985 – Lateinisch amavi, amasti und ihre indogermanischen Grundlagen // Glotta. 1985. Bd. 63.
- Siegeri H.K.* 1938 – Die Syntax der Tempora und Modi der ältesten lateinischen Inschriften (bis zum Tode Caesars). Würzburg, 1938.
- Sihler A.* 1995 – New comparative grammar of Greek and Latin. New York, 1995.
- Sturtevant E.H., Hahn A.* 1951 – A comparative grammar of the Hittite language. V. 1. New Haven; London, 1951.
- Thomas F.* 1938 – Recherches sur le subjonctif latin. Histoire et valeur des formes. Paris, 1938.
- Walde A., Hofmann J.B.* 1954 – Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–2. Heidelberg, 1954.
- Winter W.* 1994 – Zum tocharischen Verb // Tocharisch. Akten der Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft. Reykjavik, 1994.